

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

*Реквизит воспоминаний
студенческой поры*

Пиджак для студента

Демобилизовался из Советской армии в начале семидесятых годов. То, что носил до призыва на службу, стало малю. Хорошо, что лето – почти ничего не требовалось, рубашка от отца, брюки бабушка Матрёна перешила, месяц пролетел и без проблем. Когда решил попытаться поступить в институт, тут без пиджака было не обойтись. Родители выделили деньги, пришлось отправиться за покупкой из посёлка в городской универмаг, где страшно повезло. В тот день завезли по импорту серые в клетку пиджаки из ГДР, лёгкие, с пятью карманами, и нужный размер нашёлся.

Обмывали покупку с другом юности Анатолием несколькими бутылками красного вина у него дома, а компанию составили отец и сосед. Разговоры о службе в армии постепенно переросли в спор послевоенных ветеранов об особенностях стрельбы из миномёта. А мы, не успев узнать, что по специальной терминологии означает «корова» – то ли ориентир, то ли

пьяный бред, – отправились во Дворец культуры на танцы.

Перед входом собралась компания приклатнённых парней нашего возраста, в большинстве не служивших в армии: у кого отсрочка, а кто по здоровью. За пару лет расклад сил изменился, авторитет надо было зарабатывать заново, и через десять минут пришлось выяснять отношения за поселковым ДК с наглым братом бывшего одноклассника, Олегом, на год младше меня. Боевая ничья из-за лёгкого перебора алкоголя, разбитый нос против фингала над глазом у соперника. Обидно, что в пылу драки пострадала обнова, наполовину оторван рукав, так что поход на танцы отпал автоматически. Анатолий, как всегда, душевно посочувствовал и предложил сделать из пиджачка жилетку.

Дома проблема решилась за полчаса, мать искусно пришила рукав к пиджаку, а через два месяца в пострадавшей обнове были успешно сданы экзамены в Ленинградский политехнический институт. Странно, но и впоследствии в потасовках на дежурствах в ДНД у немецкого пиджачка дважды отрывали рукава, хотя владелец был «трезв как стёклышко». Пришивать приходилось уже самому и не так искусно.

Наверное, это серый в клетку цвет и покррой пиджачка раздражали отдельных особей мужского пола, как быков красная тряпка или сыновей фронтовиков подсознательно выводило из себя его немецкое происхождение. Этого выяснить не удалось. Через два года серый в клетку «MADE IN DDR» стал предательски мал и был заменён на светло-коричневый пиджак в крапинку «MADE IN POLSKA». Рукава больше не отрывали.

Сапоги в облом

В семидесятые годы прошлого века благодарные за поступление в институт первокурсники Ленинградского политеха «добровольно» отправлялись на весь сентябрь на уборку овощей. Перед «барщиной»

заехал домой захватить в качестве спецодежды пару старых рубашек и парадную форму, забрал и добротные армейские ботинки. В качестве бонуса получил от родителей резиновые сапоги.

– Зачем? – задал не самый умный вопрос родителям.

– Понадобятся. Бери, пока дают! – получил лаконичный ответ.

Обошлось без дождей – не понадобились. Доблестно отработали истопниками на кухне на пару со старшиной запаса Мишей, позднее были назначены старостами в своих группах. Время пролетело быстро и насыщено событиями. В конце сентября все студенты были вывезены, а небольшая группа, включая нескольких девушек для уборки помещений, нас, истопников, и завхоза из студентов Вячеслава, задержалась для сдачи имущества с инвентарём и консервации помещений до следующего сезона.

Деньги давно кончились, а по традиции выпить по завершении всех дел требовалось, а тут ещё и Михаил обратился с необычной просьбой.

– Серёга! Выручай! Помоги продать кожаные сапоги, – почти слёзно попросил озабоченный Миша. – Без «горючего» Олю-ленинградку не обломать.

Два часа в поисках покупателя по деревне Разметелево под Ленинградом пролетели впустую, непрактичные кожаные сапоги никому не приглянулись – скотница с фермы купила резиновые сапоги за «громдную» по тем временам сумму в три рубля. На пару бутылок красного вина хватило.

Обломал ли Миша ленинградку – неизвестно, в Питере их роман закончился. Сапоги пусть и не понадобились, зато пригодились, а родители, как всегда, оказались мудрыми.

Темнокожий кореш

От общественной работы так просто не скрыться, если уж довелось учиться в советском вузе в середине семидесятых годов прошлого века и проживать в общежитии.

И вот в ближайший выходной день мне досталось стоять на «боевом» посту в вестибюле общаги, где преимущественно проживали очаровательные девушки-студентки, и регулировать процесс пропуска на дискотеку решительно настроенных и разгорячённых алкоголем юношей из других корпусов, у этих молодцев гормоны зашкаливали. Народу скопилось в «предбаннике» более чем достаточно, обстановка накалена. Вместе со мной, недавним «дембелем», охрану общественного порядка также «добровольно» возложили на себя Володя и Анатолий, первокурсники с рабочим стажем.

Моральную поддержку взялись оказывать несколько наших однокурсниц, выбирая достойных на танцевальный вечер. Вот-вот могла вспыхнуть потасовка, которая должна была по традиции перерасти в драку с последующим прорывом сквозь заветную дверь. Толпа напирала.

– Ключь. Ключь! – сквозь шум и гвалт услышал знакомое и непривычное для слуха слово, и передо мною возник темнокожий юноша, непрерывно твердивший «Ключь!».

– Тебе чего, кореш?! – озадаченный «непомяткой», спросил у африканского студента.

После короткого разъяснения добровольных помощников из толпы пропустил студента-африканца за ключом к соседу по комнате из соседнего корпуса, где проживали оба. Атмосфера немного разрядилась.

– Ну, Серёга! У тебя и кореша! – с улыбкой вымолвила удивлённая Маша из моей группы.

Всеобщий смех окончательно умиротворил обе стороны, толпа постепенно рассеялась двумя ручейками на не прошедших «фейсконтроль» и счастливых, попавших на дискотеку. А когда ушёл студент-африканец, никто и не заметил. Может, и не выходил...

Стакан необычной огранки

В начале семидесятых годов прошлого века Советская империя находилась в зените своего военного и политического могу-

щества, чего нельзя было сказать об уровне жизни большинства граждан.

Не хотелось, но пришлось пойти на дежурство добровольным народным дружинником по студенческому городку. Тем более Славе, смоленскому мужичку из города, названного в честь первого в мире космонавта, трудно было отказать, да и умел он уговаривать. И вот великолепная четвёрка студентов первого курса инженерно-экономического факультета Ленинградского политеха после короткого инструктажа и ценных указаний от участкового Лёвы, милиционера в лейтенантском звании, получив красные повязки, прибыла на место дислокации.

Начали патрулировать по закреплённому району, но вяло, «без огонька», да и функции наши были представительские, главное – ни вчтосерьёзно не вмешиваться. Хорошо, что погода радовала осенним солнышком. Кругом было спокойно, потихоньку подкрадывался вечер. У главного объекта – гастронома – обстановка была спокойной, зарплата на предприятиях культурной столицы ещё не выдавали, а аванс давно был потрачен. Только напротив магазина на другой стороне дороги, на высоком склоне железнодорожной насыпи группа мужиков мирно выпивала и закусывала среди кустов. Но это был не наш район, о чём любители спиртного были хорошо осведомлены и не опасались, а дружинники из соседнего участка сюда практически не заглядывали. Получилась такая «мёртвая зона» и оазис для «алкашей».

Было скучно, и разговор не клеился. Слава предложил скинуться по рублю на «портвишок», его поддержали соседи по комнате, Анатолий и Володя. Не хотелось выглядеть белой вороной, добавил свой «рваный», и мы с главным дружинником корпуса 5А, сняв повязки, устремились в винный отдел гастронома. На пару бутылок «72-го» портвейна и два плавленых сырка хватило, вышли с удачной покупкой в приподнятом настроении. Оставалось определиться с местом культурного отдыха. Поступило предложение выпить в подворотне дома.

Зашли, не понравилось, всё вокруг оказалось загажено предыдущими посетителями и благоухало устоявшимся запахом от мусорных контейнеров, к тому же из «горла» ребята выпивать не захотели. В те времена бумажные стаканчики в магазинах не продавались, а гранёный стакан постоянно таскать в кармане было неудобно. Припомнил, что у «алкашей» с насыпи вроде был стакан – можно попросить. Через пять минут, быстро перейдя проспект с трамвайными путями посередине, бодро поднялись всей командой вверх по склону насыпи в сторону кустов на тридцать метров от дороги, примерно столько же оставалось до железнодорожных путей. Завидев нас, полупролетарии начали разбегаться, на месте остался только один, самый смелый и юридически подкованный.

– А мы ничего не нарушили, и вы не наши дружинники, – с опаской заявил «адвокат» непрошеным гостям.

– Да нам, собственно, стаканчик понадобился, – миролюбиво извлёк я из необъятного кармана пальто бутылку портвейна, заметив у ребят неснятые повязки дружинников и успокаивая представителя алконавтов.

– Совсем другое дело, а то подумал, что полный беспредел – рабочих людей на отдыхе чужие дружинники собрались задерживать, – обрадовался юридически подкованный мужичок, протягивая стакан. – Когда закончите, не забудьте повесить стакан на сук – на будущее пригодится, – проинструктировал «адвокат» и неспешно отправился к собратям по алкоголю, невдалеке ожидавшим развязки возникшей ситуации.

Оставшись одни в импровизированном летнем кафе и сняв красные повязки, неторопливо открыли бутылки, надрезав перочинным ножиком и удалив пластиковые пробки. Небольшим количеством вина был тщательно вымыт и насухо вытерт стакан чистым носовым платком. Первая бутылка мгновенно опустела, профессионально разлитая на четверых умелой рукой Вячеслава, старшего по возрасту и внешнему виду в сложившейся компании.

«Лоб мыслителя и причёска художника», – лаконично и ёмко подметила сущность Славы сокурсница, хотя неуёмная любовь к горячительным напиткам завершила его жизненный путь через четверть века, не позволив реализоваться скрытым талантам.

Закусив плавленым сырком разлившуюся по телу теплоту, вчетвером отделились созерцанию удивительной панорамы части Выборгского района Ленинграда, студгородка на Лесном проспекте. Здесь предстояло прожить пять лет и возмужать, а впоследствии стать не рядовыми гражданами, а полусредним и средним управленческим персоналом экономики великой советской империи...

Резко потемнело, зажглись уличные фонари. За душевным разговором, когда хотелось поделиться сокровенным с новыми друзьями, быстро опустела следующая бутылка и был доеден второй сырок, а мы плавно возвратились к действительности, спустившись с высокой железнодорожной насыпи к проспекту, дежурство успешно закончилось.

Подойдя к корпусу общежития, ставшему родным домом, Слава отправился сдавать повязки дружинников бравому участковому и докладывать об окончании дежурства без происшествий, а мы – по койко-местам. Уже в комнате неожиданно обнаружил в кармане стакан необычной огранки, который выбрасывать не стал – в бедном студенческом хозяйстве всё могло пригодиться. Когда спустя четыре месяца перебрался жить к друзьям-однокурсникам на освободившееся койко-место, то прихватил и общий трофей того задушевного дежурства, связавшего наши судьбы на пять лет.

Озабоченный похититель шапки

В преддверии зимы получил от родителей посылку, а в ней кроме продуктов – новая кроличья шапка. Лучшего подарка для бедного первокурсника в условиях промозглой пи-

терской погоды и придумать невозможно – в том году морозы ударили рано. Целую неделю успел проносить, бережно вешая шапку для просушки на общую вешалку после походов в институт и тщательно расчёсывая на ней мех перед выходом на улицу.

В общежитской комнате на четверых кроме меня проживал студент четвёртого курса, член студсовета корпуса 5А студенческого городка на Лесном проспекте, армянин Ипрем. Пользуясь своим общественным положением и хорошими отношениями с Капой, заведующей общежитием, деловой кавказский студент оформил за нашей комнатой двоих ребят, числящихся в общаге, но проживающих в частном секторе. Семьянина с пятого курса так и не пришлось увидеть. Другой студент, Виктор, поступивший после рабфака, несколько раз забегал, то оставляя, то забирая вещи, так как подыскивал квартиру для совместного проживания с подружкой, студенткой с другого факультета. Дважды видел их вместе.

Поздно вечером, вымотавшись в институте от непосильных для недавнего дембеля нагрузок, дополнительно пришлось пару часов прозаниматься в «учебке», общей комнате для занятий на этаже, пока Ипрем развлекал очередную пассию. Наконец блаженно задремал на законном койко-месте. Сон был непродолжительным, в полночь в комнату ввалился Витёк, с запахом перегара и переживаниями на лице после ссоры с подружкой, где-то ночевать и ему было нужно. На автомате открыв дверь и не слушая полупьяный бред, отправился досыпать.

Проснувшись утром, Виктора и Ипрема не застал – в этот день на занятия нужно было ко второй паре. Быстренько пробежался до общего туалета, совмещённого с умывальной комнатой, и после процедур – обратно. Наскоро обулся, надел пальто, взял портфель и потянулся за своей новенькой, кроличьей тёмно-коричневой шапкой... Неожиданно вместо неё обнаружил старый, потёртый, со свалывшимся мехом неопределённого тёмного цвета и заношенный донельзя, смутно напоминающий зимний головной убор из кроличьего меха. Куда

делась моя красавица – было непонятно, кавказскому джигиту Ипрему точно не понадобилась. Значит, Витёк прихватил и придётся разбираться.

Хорошо, что старую поношенную шапку до службы в армии не выбросил – вовремя пригодилась. Больше двух месяцев озабоченный похититель шапки не объявлялся, находясь в сложных сексуально-оздоровительных отношениях со своей сожительницей. Жалкие попытки разыскать или воздействовать на его сознательность через общих знакомых оказались безрезультатными. Успокоился и смирился, тем более сессия была позади, а зима заканчивалась, и почти забыл о потере. Только иногда взгляд оставался на чём-то несуразном на вешалке, напомиравшем о «дорогой» пропаже.

Витёк с чужой шапкой появился в общаге, когда мне удалось расстаться с чересчур активным любителем прекрасного пола Ипремом и перебраться в комнату к однокурсникам, а у похитителя шапки окончательно закончился роман с подругой. Позднее выяснилось, что она его бросила и вернулась в общежитие к подружкам-однокурсницам. В отместку Виктор, как истинный джентльмен, собрал личные вещи девушки в грязные простыни, отвёз в общагу и швырнул к её ногам.

Наконец-то у сексуально озабоченного похитителя шапки в голове прояснилось, и любовно-эротический туман рассеялся. Чуть-чуть зашевелилась совесть и появилась возможность вернуть чужую шапку, которую рабфаковец успешно проносил всю зиму. Изрядно помятое и затасканное меховое «сокровище» занёс Ипрем. А сексуально озабоченный похититель шапки посчитал, что мелкое недоразумение исчерпано, решил на глаза пострадавшему не показываться и не приносить извинения, а то мало ли что. Позднее в студентах Витькá никто не видел – наверное, своё образование решил ограничить рабфаком, подготовительными курсами для поступления в вуз.

Ближе к весне случайно повстречалась бывшая подруга Виктора, которая кого-то разыскивала вечером в нашей общаге,

может, и Витькá. Девушка обрадовалась случайной встрече, в коротком разговоре доложила, что с Витей всё, расстались окончательно. Откинув назад роскошные волосы элегантным движением головы, предложила совместно отправиться на дискотеку в соседний корпус. Несмотря на весьма заманчивое приглашение провести со свободной и опытной, очаровательной и весьма соблазнительной девушкой вечер с возможными перспективами, от предложения мягко отказался, сославшись на непредвиденные дела, – не захотелось стать очередной жертвой сексуально-эротического натиска и любовного обаяния молодой хищницы...

Пострадавшую шапку почистил, а внутри постирал, чтобы случайно не «заразиться любовным дурманом» и не ограничить образовательный уровень одним семестром в престижном вузе, «потеряв голову» от какой-нибудь студентки-красавицы. На экономическом факультете таковых было более чем достаточно, по мнению двадцатилетнего офицера запаса с высоким воинским званием «младший лейтенант».

Куртка Потёмкина

Прозвище «Потёмкин» Анатолий, парень из уральского городка, получил от престарелого преподавателя физики, доктора наук и профессора, когда мы, студенты первого курса инженерно-экономического факультета ленинградского политеха, досрочно сдавали курс физики по частям. То ли фамилия Анатолия показалась профессору созвучной исторической личности, то ли со зрением у доктора физико-математических наук были проблемы. Но так получилось: назвал раз, назвал другой, никто не поправил – главное, зачёт получить, а не со смешливым профессором спорить.

Физику спихнули, а прозвище прилепилось, и спустя сорок лет нашего приятеля Толю между однокурсниками по-другому не называли. Да и хорошо сочетался такой «псевдоним» с внешностью высокого, статного юноши с длинными русыми волосами

и ненавязчивым чувством юмора. Многие девушки с факультета обращали на него внимание, тем более не бывший школьник, а юноша с рабочим стажем и с жизненным опытом. В общем, свой парень.

На втором курсе Потёмкин привёз из дома куртку из натуральной кожи, не новую, но в хорошем состоянии, с множеством карманов и на кнопках. Когда я увидел кожаный шедевр, тотчас пришло понимание, чего мне не хватало для полного счастья. Продать кожаную куртку Анатолий отказался, как и любой другой на его месте во времена всеобщего дефицита. Фарцовщики в расчёт не принимались. Однако милостиво согласился выдать для временного ношения. А временно получилось больше, чем на полгода. За что всегда вспоминал Потёмкина с благодарностью и почти не расставался с курткой, которая добавила чувства уверенности в общении с прекрасными однокурсницами. Ощущал себя где-то на одном уровне с киногероями французского актёра Бельмондо и как минимум авторитетом в студенческой среде.

Время пролетело быстро. Анатолий женился первым из нашей компании на давно знакомой девушке из родного города и переехал с молодой супругой в частный сектор. Чуть раньше кожаная куртка вернулась к вла-

дельцу. Подобным шедевром мне удалось обзавестись лишь в зрелом возрасте, в середине девяностых годов прошлого века, но яркое ощущение из юности не повторилось...

Более тридцати лет пролетели после окончания института, когда снова удалось встретиться в узком кругу с Потёмкиным на дачном оазисе под Санкт-Петербургом у общего приятеля и бывшего однокурсника Александра, доктора экономических наук по прозвищу «батенька». Напросились в гости и подъехали с Володиёв, другом не только по студенческой юности, на его новой иномарке. Потёмкин прибыл чуть раньше и на весьма престижном автомобиле. Было приятно оказаться в компании друзей из студенческой поры, состоявшихся по жизни...

Вечер прошёл под красное французское вино и в воспоминаниях, поинтересовался у Анатолия о судьбе кожаной куртки. Оказалось, что кожаная мечта юности проследовала за хозяином на воинские сборы и по завершению была продана местному аборигену, а удачная продажа обмыта со студенческим приятелем Вячеславом, родом из Гагарина, города первого в мире космонавта. Достойное завершение студенческой поры и соблюдение традиций бесшабашной юности.

ВАЛЕРИЙ РЕМЕНИЮК

**МОРОЗ ИВАНЫЧ
И ДРУГИЕ**

Агентство
Издательство
Союз писателей
Издательство

12+

Сказочная повесть
для детей и их родителей

По программе «Новые имена современной литературы»

Купить книгу
laneta-knig.ru/shop/2322/desc/moroz-ivanych-i-drugie

